

ГЛУБИННАЯ ЭКОЛОГИЯ

Глубинная экология возникает в контексте поиска путей выхода из экологического кризиса. Она существует в ряду таких подходов, как концепция устойчивого развития, ноосферная концепция, но в то же время она ориентирована на эволюцию человека, переход в новую эволюционную стадию через сознательную трансформацию сознания (в то время как устойчивое развитие – через консолидацию политики, экономики, технологии; ноосферная концепция, по Вернадскому, – это естественный процесс).

Термин «глубинная экология» предложен норвежским философом А. Нейсом в 1973 г. В глубинной экологии ставятся под вопрос «базисные принципы нашего общества» (Нейс), при этом глубинная экология не чувствует себя ограниченной рамками науки. Уорвин Фокс, еще один представитель глубинной экологии, предложил переименовать глубинную экологию в трансперсональную экологию: это говорит о родстве глубинной экологии с восточным опытом познания души и с западной философской психологией.

В отличие от экологической этики, стремящейся доказать моральную значимость нечеловеческого мира, глубинная экология, как отмечает В.Е. Ермолаева, познакомившая с этим направлением энвайроментальной философии отечественного читателя, «разрывает рамки этических проблем, превращаясь в философию отношений с природой». Глубинная экология не ориентирует ни на аксиологию природной среды, ни на теорию этики отношений с ней, ни на реформу существующей практики. Она ориентирует на развитие экологической чувствительности, покоящейся не на моральном долженствовании (подобно практическому разуму), а на «спонтанном развертывании своего «Я» («...любовь высказывается без всяких моральных увещаний. Вы заботитесь о себе, не испытывая морального принуждения...») [16].

Глубинная экология покоится на «интуитивном схватывании целостности Мира». Билл Дивол, Джорж Сешенс называют способ познания, свойственный глубинной экологии, «объективным

неантропоцентричным пониманием» по контрасту с субъективистским антропоцентризмом, характерным для доминирующей культурной традиции. В.Е. Ермолаева называет это «чуткостью к Вселенским ритмам», не объективность, а охват как бы сверху, с позиции «вненахождения». Реальность для глубинной экологии открывается не в деятельностном отношении к миру, не в дуальном противостоянии «Я» и «не Я», а в личном, непосредственном переживании единства Мира. Глубинная экология ориентирует на отношение «Я – ТЫ», не «Я – ОНО». Определяя статус этого явления, В.Е. Ермолаева подчеркивает, что глубинная экология – это не теория, не система, это подход, путь, практика, противопоставляющая себя доминирующему мировоззрению [16. С. 106]. Этим объясняется существование нескольких версий глубинной экологии. Уорвин Фокс разрабатывает трансперсональный вариант формирования экологического сознания. Арне Нейс, опираясь на философию космического монизма Спинозы, осуществляет поиск новой онтологической идентификации. Существует экофеминистская версия глубинной экологии. Все это говорит об индивидуальном, личностном поиске пути экологического расширения сознания.

Глубинная экология считает, что радикальный сдвиг в сознании сможет изменить наши приоритеты. «Мы должны измениться на пути к подлинно экологическому типу восприятия, мышления, практики. И наше изменение должно дойти до уровня осознания того, что наше «Я» является частью более объемлющего «Я», которое и будет направлять наши действия. Глубинная экология выходит за пределы узкоматериалистического понимания реальности, здесь тоже холистическое мировоззрение (материальный и духовный аспекты сплавляются вместе). Глубинные экологи духовные практики не считают чем-то чисто субъективным. Уорвин Фокс так поясняет это базисное мироощущение глубинных экологов: мы не можем провести бесспорных онтологических границ в поле существования, реальность не раздваивается на царство людей и нечеловеческий мир. Эта интуиция возникает в ярком временном переживании, озаряющем че-

ловеческую душу, и может быть понята только как описание психологического процесса переживания единства Мира.

Глубинные экологи предлагают не цельную философию природы, а философский путь к созданию ее личной экософской версии, так трактует рассматриваемое направление В.Е. Ермолаева. Мы идем, говорит Арне Нейс, по узкой горной тропе: «слева от нас – океан взглядов органиков и мистиков, справа – пропасть атомистического индивидуализма».

Поставим еще раз вопрос, почему этот путь философский? Потому, что предполагается трансцендирование, выход за пределы установившейся границы «Я», расширение сознания, а трансцендирование, как известно, и есть философствование. Идея глубинной экологии заключается в том, что мы способны более глубоко отождествляться с окружающим нас миром, чем это традиционно принимается. Известные философы отмечали антропоцентризм западной философии. Например, у Б. Рассела находим, что даже в лучших проявлениях философии после Демокрита ошибка состоит в неоправданно преувеличенном внимании к человеку по сравнению со Вселенной [17]. Карл Поппер подводит итог этой философской традиции. «В наши дни необходимо извиниться за интерес к философии, в какой бы то ни было форме... С моей точки зрения, величайший скандал философии состоит в том, что когда вокруг нас мир природы гибнет – и не только мир природы, философы продолжают обсуждать, иногда умно, а иногда не очень, существует ли этот мир» [18].

Расширение и углубление нашей самоидентичности, формирование ощущения причастности к окружающему миру ведут от атомистического, индивидуалистического чувства к сознанию холистическому, соучаствующему. Философский подход к анализу экологической проблемы должен быть связан с поиском нового типа мышления или, более широко, с поиском новой метафизики, включающей такое представление о мире, человеке, его ценностях, которое обеспечивало бы коэволюцию человека и природы.

Анализ экологической проблемы Б. Колликот начинает с той предпосылки, что традиционная метафизика и обусловленная ею мораль – это, скорее, источники современных экологических

проблем, но никак не средство для их разрешения. Нынешняя экологическая ситуация нуждается не столько в практическом экспериментировании, сколько в радикальном пересмотре западных моральных и метафизических парадигм.

Философы обращаются к анализу оснований Западной цивилизации и обнаруживают истоки экологического кризиса в противопоставлении человека природе, в лишении природы сакральности, смысла и души. Ответственность за это лежит не только на науке, но и на культуре в целом. Именно христианство, считает Л. Уайт, не только установило дуализм человека и природы, но и настояло на том, что воля Божия именно такова, чтобы человек эксплуатировал природу ради своих целей.

Односторонность развития европейского человека, превращающего все сущее не только в объект рационализации и познания, но и в объект обладания и потребления, явилась одной из основных причин экологического кризиса. Многим мыслителям, в том числе и русским, и, возможно, прежде всего русским, поскольку русской философии было свойственно космическое восприятие человека, в то время как в Европе господствовало механистическое видение, была очевидна опасность такого пути развития еще до наступления экологического кризиса. «Человеку приходится жить, работая на цивилизацию, его губящую и его же порабощающую». Русские космисты еще в XIX веке пытались «вернуть» человека на место (в мир природы), возродить картину гармоничного космоса. Надо сказать, что философские искания русских мыслителей и были связаны, главным образом, со стремлением вернуть Бога человеку и человека миру, что стало бы основой прогресса, началом «третьего пути» развития.

Среди современных мыслителей немало считающих, что России предстоит играть особую роль при переходе к новому этапу эволюции человечества и, в частности, на пути преодоления экологического кризиса. Причем эти надежды связывают с особенностями характера и души русского человека, как наиболее способного к духовному обновлению, обладающего наибольшей эволюционной способностью в этом плане. Вот что пишет, например, Анатолий Арсеньев: «Если, учитывая харак-

тер предстоящих человечеству изменений, взглянуть с этой позиции на Россию, то большинство обычно отрицательно оцениваемых свойств русского человека, его души, оборачиваются качествами, как бы предуготовленными для вступления в будущее. Слабая способность к собственному социальному обустройству (все ищем, кто бы навел порядок на Руси), отсутствие правосознания (желание жить «по совести», а не по закону), разболтанность, максимализм и неспособность принять «золотую середину» (либо святость, либо свинство) и т.д. обратной своей стороной имеют неукорененность в наличном бытии (эволюционная способность, неустойчивость), потребность в харизматическом лидерстве (вместо бездумного механизма демократии), глубокую неудовлетворенную религиозность, готовность к полной самоотдаче, внутреннее неприятие конечных форм и догм, метафизический голод, т.е. потребность размышления над «последними вопросами» (западники говорят: «То, что для нас философия, для вас жизнь»)» [8. С. 152].

Западная экономика, господствующий стиль научного мышления (технократического) – все это день уходящий. Идти по этому пути, значит, идти в прошлое, Запад по нему ушел далеко вперед, но при этом не решил, а обострил экологическую проблему. Будущее в значительной степени задается глобальным кризисом нашей эпохи, переходом к новому этапу эволюции, на котором человечеству предстоит эволюционировать как существу духовному.